

как хоронили Высоцкого

Иосиф Кобзон — Газете

Газета - 2003 - 28 июля - с 10.

На днях исполнилось двадцать три года со дня похорон Владимира

Высоцкого. Тогда кончину известного

поэта и актера советская пресса

всегда старалась не заметить.

Молчание официальных СМИ породило

множество неофициальных версий,

правдивых и не очень. О том, как

хоронили Владимира Высоцкого

Николаю Добрюху специально для

Газеты рассказал Иосиф Кобзон.

После ухода Высоцкого вокруг его похорон

распространяется столько слухов, что лучше

рассказать все как было, чем развеивать

каждый из них. Тем более что невольно я оказался в самом центре событий.

25 июля 1980 года в 8 утра мне позвонили

близкие друзья Высоцкого Сева Абдулов

и Валерий... Нет, не Золотухин. Валерий

Янкович. Позвонили и сообщили о насту-

пившей трагедии, о том, что в четыре часа

не стало Володи. Потом сказали, что семья

очень просит, чтобы его похоронили на Ваганьковском.

А для того чтобы похоронить на Ваганьковском, нужно было обязательное разрешение Моссовета. Во-первых,

кладбище закрытое. Во-вторых, по статусу

Володя... как бы... не подходил, потому что

у него не было никакого звания...

До этого вы с ним часто встречались?

Много встречались. Особенно часто встречались, когда я был женат на Гурченко.

Он неоднократно приходил к нам,

и мы с ним, как почти все в те времена, лю-

били сидеть у нас на кухне. Однажды при-

шел он очень расстроенный. Вышел фильм

«Служили два товарища». В фильме долж-

ны были быть две его песни, песни вырезали.

Володя пришел с гитарой. И стал

на кухне петь нам эти песни... Дело было

на Маяковке, на квартире Гурченко. Точнее,

это была наша квартира, хотя оформлена

была она на нее. Потому что, когда

мы встретились и начали жить с Гурченко,

Ангелина Степанова, мать Шуры Фадеева,

предыдущего мужа Гурченко, сказала: «Ку-

пите квартиру моему сыну. Не будет

же он жить на улице». И я купил Шуре квар-

тиру, хотя у меня тогда уже была и своя

квартира на проспекте Мира.

Однако о Высоцком. Он звонил мне. Я ез-

дили к нему в гости, когда он жил еще

на Матвеевской. Потом встречались у него

дома на Малой Грузинской. У нас были об-

щие друзья, капитаны дальнего плавания

из Одессы Толя Горогуля и Феликс Дацков.

Надо сказать, они нас сближали. Но особой

личной дружбы у нас не было.

Как-то выступаю я в саду «Эрмитаж», в Лет-

нем театре. Привозят из ресторана ВТО

Высоцкий. И... значит... говорит: «Иосиф, ку-

пи у меня песню». Я говорю: «Володя, ты с ума сошел. Я не покупаю песен». Он го-

ворит: «Ну тогда дай 25 рублей». Я говорю:

«Это другой вопрос...» Смешно получилось.

А один раз, когда с марта по ноябрь в 1971 году я еще ухаживал за Нелей, возвращался

с концерта в гостиницу «Ленинградскую»,

в которой жил тогда в Сочи. Вхожу, а в холле

стоят Володя... Высоцкий и Марина Влади.

— Ой, — говорю, — ребята, привет!

— Привет!

— Вы чего здесь делаете?

— Вот сошли с теплохода и коротаем ночь.

Утром собираемся к Горогулю идти, на «Гру-

зию». Мест в гостинице нет.

Я говорю:

— У, ерунда какая. Поехали ко мне. Приехали на мой 10-й этаж, и я отдал им свой

люкс. Договорился, чтобы им поменяли постель, а сам пошел спать на балкон — в номер, где жили моя будущая теща и Неля.

Встречались от случая к случаю. Но случаи были яркие. Когда в 1974-м у меня родился Андрюшка, я поехал забирать его и Нелю в роддом. Едем мы из родильного дома, и вдруг на Дмитровке нас обгоняет красный «Пежо». Обгоняет и тормозит. Это был январь месяц, и я держал Андрюшку в одеяле. Из «Пежо» выходит Володя. Говорит:

«Покажи! Кого родил?»

Я выхожу. Показываю. Володя снимает с шеи крестик и говорит: «Поздравляю!».

Так он же неверующий был?

И я неверующий. Но говорю же вам, как это было. «Поздравляю!» — говорит. «Спасибо, — говорю, — Володя...»

Когда разъехались, я сказал: «Ну точно, Андрюха или гениальным будет, или бандитом...»

Когда Володи не стало и возник вопрос, что дальше делать, собрались Евтушенко, Вознесенский, Белла Ахмадулина, другие близко знавшие его люди. Троє суток не выходили мы из его дома. Володя лежал у себя в доме. Его не отдали в больницу. Вскрывать не дали. И правильно сделали. Потому что было бы столпотворение...

Однако про самое главное — про кладбище. Я сразу поехал в Моссовет. У меня был

там очень хороший доброжелатель — Коломин Сергей Михайлович, первый заместитель Промысловца. Я ему все рассказал.

Он говорит: «Да. Очень жаль Володю». Эту новость он от меня узнал. «Что ж, — говорит, — езжайте, выбирайте место. Если найдется там место, я разрешу».

Я поехал на Ваганьково. Там уже были

замдиректора Театра на Таганке и отец

Володи Семен Владимирович. Стали смотреть, куда бы можно было положить Володю.

«Нет, нет, — говорил отец, — только на аллее поэтов». Мы пошли туда, но это

была такая глупость... по одной простой

причине: там почти нет места, и, зная по-

пулярность Высоцкого, можно было гаран-

тировать, что от других могил ничего

не останется, когда на кладбище хлынут

его поклонники.

А директором кладбища был бывший мастер спорта по футболу... Кстати, то, что пишет Марина про это в своем «Прерванном полете» — вранье. Было, что я полез в карман за деньгами, но никаких тысяч я даже

достать не успел. Он остановил мою руку

и говорит: «Не надо, Иосиф Давыдович!

Я Высоцкого люблю не меньше вашего...»

И мы вместе пошли выбирать землю.

Я сказал: «Представляете, сколько придется

народу... хоронить? Вам разметут все клад-

бище. Поэтому нужно какое-то открытое

место, например здесь» — и указал место,

где теперь находится могила Володи. А тог-

да там был асфальт. Он сказал: «Я не про-

тив, если будет разрешение Моссовета».

Я говорю: «Хорошо! И опять в Моссовет,

к Коломину. Говорю: «Если хотите избе-

жать давки и большого скандала в Москве,

нужно хоронить только там». «Ну там так

там!» — сказал Коломин и подписал разре-

шение, почему я нескованно был рад... И то,

что пишет Марина Влади — врет. Ее еще

не было в Москве, а она пишет: «Мы по-

шли (якобы мы с ней)... пошли выбирать

место для Володи». Да ее близко там

не было. И она еще пишет, что я какие-то

пачки денег вытаскивал. Когда я ее встре-

тил, сказал: «Ну как тебе не стыдно?» Она

мне говорит: «Иосиф, это же книга. У книги

должны быть читатели!» Я говорю: «Ну

нельзя же так бессовестно привлекать чи-

тателей! Нельзя же так врать!» Я с ней по-

ссорился...

После решения вопроса с могилой я позвонил в ЦК комсомола и попросил Бориса Николаевича Пастухова разрешить некролог в «Комсомольской правде». Пастухов под-

держал это предложение.

Но некролог в «Комсомолке», к сожале-

нию, так и не вышел. Перелистали под-

шивку за конец июля — начало августа,

увы... Некрологи были только в «Вечерней Москве» и, кажется, в «Московском

литераторе».

После похорон началась долгая борьба за памятник на кладбище. Годы шли, а памятника не было. Народ уже роптал: «Как нестыдно? Столько друзей, а памятник поставить не могут!» Между тем начальник управ-

ления культуры при Моссовете Шкодин собрал всех, кто мог бы решить эту задачу.

А в связи с тем, что по закону на могиле

нельзя ничего делать без разрешения хозяев

могилы, шли переговоры. Хозяев было двое: Марина Влади, жена, и отец Высоцкого.

Марина сперва хотела установить глыбу

без всяких изображений. И друг Володи Вадим Туманов нашел на Урале подходящую

глыбу. Однако отец с матерью и сыновьями

Володи считали, что нужно хоть какое-то изображение. А Марина — ни в какую: ни-

какого изображения, только глыба. И глыбу

привезли. Во двор Театра на Таганке. Но-

вый поворот. Марина передумала: дескать, хочу не глыбу, хочу... метеорит. Ну мы все

развесили уши по этому поводу: метеорит так метеорит, давайте как-то впишем его в глыбу. И опять: нет! Так прошло три года.

Я снова обратился в Моссовет. Говорю:

«Пошел четвертый год, а могила Высоцкого без памятника. Нас могут неправильно по-

нять. Люди могут подумать, что как при

жизни ему не давали ходу, так и после

смерти делают все, только бы не воздать

должное».

И тогда объявили конкурс на лучший памятник. В Театре на Таганке выставили около

двух десятков скульптур. В итоге выбрали ту, которая сейчас стоит. А Марине сказали:

«Пожалуйста, вписывай в него метеорит, если он у тебя есть».

Знающие люди над этим желанием просто смеялись, потому что метеорит не может быть в частных

руках. Может принадлежать только Академии наук. И стоить может миллионы рублей и даже долларов.

В конце концов нам удалось преодолеть ее сопротивление следующим образом.

Ей сказали: «Все! Мы ставим конкурсный памятник. Это решение семьи, то есть по-